

Нюансы образовательного процесса и их значение для реформы высшего образования

С.Н. МИХАЙЛИЧЕНКО, доктор экономических наук, Холмс институт, Брисбен, Австралия. E-mail: smikhailitchenko@holmes.edu.au

В статье анализируется экономическая структура функций образовательного учреждения с целью выбора оптимального подхода к регулированию и реформе рынка высшего образования. Автор считает, что содержание программ и отдельных предметов, а также написание экзаменационных работ представляют собой естественные монополии, что подразумевает их активное регулирование со стороны государства. Академическое администрирование является олигополией и нуждается лишь в минимальном государственном мониторинге. Непосредственно преподавание проявляет качества монополистической конкуренции, поэтому оптимизация деятельности этого сектора с целью достижения максимальной общественной пользы может быть предоставлена рыночным силам без вмешательства государства. Предлагаемая реформа позволяет одновременно решить проблемы качества образования и государственного финансирования. *Ключевые слова:* реформа высшего образования, структура рынка, несостоятельность рынка

JEL: I23, I28, L11, L12, L15, L22

Уникальность высшего образования состоит в том, что именно в этой отрасли формируются руководящие кадры для всех сфер деятельности. Поэтому такую серьёзную проблему, как коррупция, невозможно решить, если будущие руководители обретают коррупционные навыки уже в вузах.

Весьма радует, что российское Правительство уделяет большое внимание реформе высшего образования и активно предпринимает меры для улучшения его качества, хотя складывается впечатление, что страна опять движется по экстенсивному пути развития. И, что еще более контрпродуктивно, Россия в стремлении догнать Запад, вместо того чтобы создавать лучшее, готова потратить миллионы на усиление бюрократического контроля и платить за то, что уже устарело и должно уступить место новому.

С середины 1970-х сложилось мнение, что, если доля студентов в возрастной группе от 17 до 24 лет превышает 15%, система высшего образования перестаёт быть элитной и становится

массовой [Trow, 2006]. Во многих странах к концу XX столетия доля студентов в этой возрастной группе превысила 30%, что потребовало поиска новых способов финансирования высшего образования [Altbach et al, 2009]. И хотя массовое высшее образование является желаемым для общества, эта отрасль требует реформирования, так как система перестаёт быть устойчивой из-за бюджетных ограничений.

Кроме бюджетного дефицита, существуют серьёзные проблемы качества высшего образования, типичные не только для России. Это вовсе не означает, что все выпускники вузов не набрали достаточно знаний и навыков во время учебы, просто какая-то часть студентов получила оценки нечестным путем. Поэтому вузовский диплом не всегда свидетельствует об уровне образования специалиста.

Современные изменения в сфере высшего образования

Реагируя на бюджетный прессинг в образовании, правительства некоторых стран пытаются дерегулировать систему его оплаты, позволяя университетам устанавливать собственные ставки за обучение. В долговременной перспективе это может привести к замедленному накоплению человеческого капитала и снижению конкурентоспособности страны [Banerjee and Duflo, 2008; Bussolo et al., 2007; Kharas 2010; Ravallion, 2009, Shrivastava and Shrivastava, 2014]. Другие страны, напротив, пытаются наращивать количество студентов за счет бюджетных средств, но, столкнувшись с проблемой бюджетного дефицита и невозможностью дать образование всем желающим, устанавливают квоты на студенческие места [Carnoy et al, 2014]. Результат количественного ограничения ничем не отличается от ограничения ценового.

При всем многообразии способов финансирования образования их можно свести к четырем основным подходам: капиталистический, псевдокапиталистический, полусоциалистический и социалистический. При чисто капиталистическом обучении в вузе финансируется в значительной мере за счет частных лиц. Так, в Соединенных Штатах Америки с начала 1990-х доля бюджетного финансирования университетов сократилась с 80 до 10% [How America..., 2014]. Капиталистический подход не отрицает

наличия положительных экстерналий от образования, но основан на том, что сознательные частные лица с высокими доходами могут пожертвовать средства на образование, чтобы облегчить доступ своим менее удачливым согражданам [Saunders, 2010]. Этот подход реализуется только в США, где выпускники высших учебных заведений делают крупные пожертвования на субсидии для низших социально-экономических групп и научные изыскания [Altbach et al, 2009].

Псевдокапиталистический подход доминирует в большинстве развитых капиталистических стран и некоторых развивающихся. Не имея возможностей обеспечить достаточное количество мест в университетах за счет частных пожертвований, такие страны, как Австралия¹ и Новая Зеландия², создали программы займов на образование. Этот подход очень похож на социалистический, поскольку около 90% займов будут возвращены в течение нескольких десятков лет, а некоторые не будут выплачены никогда³ [Norton and Cherastidham, 2016].

Псевдосоциалистический подход к финансированию высшего образования типичен для бывших стран соцлагеря, таких как Россия и Беларусь, где образование считается общественным продуктом, поэтому определенное количество мест в университетах предоставляется для наиболее успешных выпускников школ и представителей национальных меньшинств [Carnouy et al, 2014]. Те же, кто не входит в квоту бюджетных мест, должны оплачивать своё образование сами по чисто капиталистической схеме.

Социалистический подход к финансированию высшего образования практикуется в ряде стран, где идеология в других сферах может быть далека от социалистической. Это Кувейт, Бахрайн, Вьетнам [Coffman, 2003] и большая часть земель Германии (Thomsen and von Naaren-Giebel, 2016), где образование признается полностью общественным продуктом и финансируется за счет бюджета с минимальными ограничениями для выпускников средних школ с низкими или средними баллами.

Высшее образование стремительно движется в виртуальное пространство. Многие университеты на Западе предлагают

¹ Study Assist (2006). Available at: <http://studyassist.gov.au/sites/StudyAssist/>

² Inland Revenue (2016). Available at: <http://www.ird.govt.nz/studentloans/>

³ URL: https://docs.education.gov.au/system/files/doc/other/he_reform_paper_driving_innovation_fairness_and_excellence3_may_2016.pdf

студентам лекции и семинары на своих порталах без обязательного посещения классов [Guri-Rosenblit, 2009]. Английский становится не только языком бизнеса, на нем общаются преподаватели всего мира [Altbach et al, 2009]. Правительства многих стран, включая Россию, ищут пути для выхода на международный рынок образования и успешно продвигаются к полной стандартизации образовательных программ [Crosier and Parveva, 2013; Lorenz, 2010]. Россия принимает активное участие в Болонском процессе.

Успехи в плане роста количества выпускников во многих странах сравнительно легко достигались путем увеличения расходов на образование, и лишь в последнее время в них стали обращать внимание на дефицит бюджета [Norton, Cherastidtham, 2013]. Качественная же реформа высшего образования наиболее сложна, поскольку её невозможно осуществить без участников рынка, таких как уже существующие университеты, преподаватели и академические администраторы, которые в условиях несостоятельности рынка не заинтересованы ни в каких изменениях. Реформа качества высшего образования стала камнем преткновения еще и потому, что затраты на нее в большей мере ложатся на плечи университетов, а блага сравнительно равномерно распределяются в обществе [Corrales, 1999]. Такое распределение затрат и благ является одним из источников несостоятельности рынка образования и привело к стагнации реформы как в России, так и за рубежом.

Изменения на рынке российского высшего образования

Российское правительство, понимая важность высшего образования для развития страны, предпринимает серьезные шаги по поиску оптимальных путей реформы. Например, этим занимается Международная лаборатория анализа образовательной политики при Высшей школе экономики⁴. К сожалению, поиск идет в направлении адаптации российской системы высшего образования к западным, где существуют те же проблемы и, как в России, отсутствуют их решения [Carnouy et al, 2014]. В России проблемы качества образования и дефицита бюджета усугубляются

⁴ URL: <https://ioe.hse.ru/lepa/>

низкими зарплатами преподавателей университетов, исторической привычкой к устным экзаменам с фиксированным набором вопросов и распространенной в связи с этим коррупцией⁵ [Darden, 2008; Кнох, 2008].

Стремясь к повышению качества в сфере высшего образования, российское правительство работает над программой единых госэкзаменов для аккредитованных образовательных учреждений [Oxford Analytica, 2004], но делает это без учета экономической структуры самих образовательных учреждений и пытается регулировать всю отрасль целиком. При этом Правительство РФ делает упор на «элитные» университеты, которые, как ожидается, будут реформировать отрасль и сами себя, не учитывая наличие у университетов стимулов к манипуляции результатами экзаменов и нежелание долгосрочных изменений устоявшихся процессов. Отсутствие учета экономической составляющей в системе высшего образования в России приведет только к его удорожанию, поскольку затраты на проведение экзаменов и проверку экзаменационных работ будут добавочной статьёй расходов к уже недешевому диплому о высшем образовании и дополнительной нагрузкой на бюджет страны.

Созданные при поддержке российского Правительства образовательные порталы («Единое окно»⁶ и многочисленные сайты университетов), казалось бы, свидетельствуют о понимании того, что Интернет позволяет значительно снизить себестоимость высшего образования [Sigalov and Skuratov, 2012]. К сожалению, огромное количество этих порталов при скудном их содержании, по которому они даже в совокупности не могут сравниться с порталом одного университета на Западе, свидетельствует о том, что Правительство России пока не смогло добиться реформы качества образования с приемлемыми затратами. Университеты просто использовали деньги, выделенные на порталы, чтобы продолжать делать то, чем они занимались до их появления. На мой взгляд, Правительство должно создавать не набор порталов для отдельно взятых предметов, а виртуальный университет, по своей структуре похожий на реальный, с соответствующим набором программ, полностью снабженных не только учебными

⁵ URL: <http://monitor.icef.com/2013/03/russia-begins-to-implement-new-higher-education-strategy/>

⁶ URL: <http://window.edu.ru/>

материалами, но и пробными тестами и виртуальными пунктами для сдачи заданий и получения не только результатов, но и комментариев тех, кто проверяет эти задания.

Необходимо также учесть перспективы и возможности создаваемых образовательных порталов. Во-первых, большинство современных преподавателей во всем мире опасаются создавать и загружать видеолекции и в лучшем случае используют слайды с наложенной речью. Во-вторых, современные технические возможности позволяют использовать программы, способные переводить текст лекции на любой язык мира и преобразовывать текстовые лекции в речь. Использование видео- и мультипликационных лекций ведущих преподавателей на разных языках и свободный доступ к ним позволят России сократить бюджетные расходы на некачественное дублирование лекционного материала и усилить экспортную позицию страны на международном рынке.

Компоненты образовательного процесса и несостоятельность рынка высшего образования

Я полностью поддерживаю идею о едином экзамене для студентов университетов и создании порталов для обучения в виртуальном пространстве. Но существует возможность не только радикально улучшить контроль за качеством высшего образования, но и сделать его очень дешевым, если не бесплатным. Более того, образование может стать серьёзной статьёй экспорта (притом, что доходы от высшего образования сильно сократились за последние 10–15 лет) [Арефьев, Шереги, 2016]. Все это возможно, если взглянуть на университетское образование с экономической точки зрения и ликвидировать дублирование усилий как студентов, так и преподавателей.

Процессы в высшем образовании можно разделить на четыре категории: разработка учебного материала, разработка экзаменационных работ, администрирование и непосредственно преподавание. Опытные преподаватели знают, что многие учебные материалы уже давно разработаны и совсем или почти совсем не меняются. Например, такие предметы, как «Принципы экономики» или «Прикладная статистика», в подавляющем большинстве западных университетов не изменились за последние 50 лет.

Спрашивается, зачем нужна многотысячная армия профессоров, если современные технологии позволяют улучшить старый материал и выложить его на образовательный портал? Россия уже примкнула к Болонскому процессу, что в конечном итоге приведет к полной стандартизации образовательных программ в Европе, и без того в значительной степени стандартизированных. Очевидно, что для этой цели такого количества профессоров не требуется.

Эта сфера образовательной деятельности является естественной монополией, что подразумевает бесплатный доступ к образовательным программам, так как себестоимость доступа к ним дополнительного студента равна нулю. Не нужны и полтора десятка «элитных» университетов, выделенных Правительством РФ как ведущие. Но потребуются усилия тысяч преподавателей – специалистов в своей области – для создания банка экзаменационных вопросов и проверки экзаменационных работ.

Разработка экзаменационных заданий также может стать естественной монополией, если будет создан единый тест-банк, и вопросы для экзаменов будут выбираться компьютером при помощи случайных величин и распечатываться непосредственно перед началом экзамена. В настоящее время в большинстве стран мира экзаменационные вопросы разрабатываются каждым преподавателем для собственных предметов, в результате экзамены в различных университетах могут значительно отличаться как по содержанию, так и по глубине требуемых знаний. Всего этого можно избежать, если подразделение при Министерстве образования учредит такой банк экзаменационных вопросов, задействуя отдельных преподавателей, а не университеты, как это делается сейчас.

Академическое администрирование может осуществляться несколькими крупными компаниями при постоянном мониторинге со стороны Министерства образования. Участие государства в этой функции предполагает бюджетные затраты, что наиболее эффективно при лимитированном количестве участвующих фирм. Поэтому рынок услуг академического администрирования будет, скорее всего, олигополистическим, хотя в регионах эти услуги могут предоставлять и небольшие компании. Экзамены не обязательно проводить два раза в год, как это принято сегодня, а по мере накопления студенческого

спроса. Для эффективного контроля за качеством проверять экзамены необходимо на платформах Blackboard или Moodle.

Собственно преподавание по своей структуре является монополистической конкуренцией из-за различий в качестве и интенсивности услуг, предлагаемых разными преподавателями. Преподавание в сфере высшего образования можно вообще не регламентировать, за исключением обязательной публикации распределения оценок, полученных студентами, которые пользовались услугами разных преподавателей и компаний, оказывающих преподавательские услуги. Студенты сами отберут тех, кто способен эти услуги предоставить, и сделают это на основе полученных оценок после сдачи госэкзаменов. Надо стремиться к высокому качеству выпускников, а не их преподавателей.

К сожалению, высшее образование не может быть полностью бесплатным, так как надо оплачивать работу преподавателей по проверке результатов экзаменов, а также аренду помещений для их проведения. Но стоимость места в экзаменационном холле и пяти минут, затраченных на проверку работы, может составить не более 500 руб. за предмет. Академическое администрирование и преподавание не требуют активного участия государства (за исключением базового мониторинга экзаменационных процессов) и могут стать полем для ценовой и качественной конкурентной борьбы за прибыль как крупных, так и сравнительно небольших региональных компаний. Роль министерства в этом процессе может быть сведена к подбору координаторов, оплате экзаменаторов и созданию системы, над которой Правительство РФ работает уже сейчас (разделение преподавательской деятельности и проверка проведения экзаменов).

Может показаться, что я пишу об известных вещах, но существует значительная разница между реформой, проводимой российским Правительством, и тем, что предлагается в этой статье, в первую очередь, в части себестоимости образования. Российская реформа, так же как и попытки реформировать этот сектор в других странах, предполагает сохранение университетов в их сегодняшней форме: на базе этих образовательных учреждений проводятся госэкзамены, что позволяет им дублировать усилия друг друга, при этом затрачивая государственные средства. При разделении образовательных функций университеты не смогут конкурировать с естественной монополией и вынуждены будут

либо слиться в одно образовательное учреждение, либо преобразоваться в институты, специализирующиеся на сервисном преподавании программ, разработанных в едином университете, что приведет к резкому снижению себестоимости за счет экономии затрат на разработку программ, учебных материалов и экзаменационных работ.

Правительство РФ сегодня не использует все имеющееся интеллектуальные силы и концентрирует затраты на «элитных» университетах, рискуя потерять значительную часть преподавательского корпуса в регионах, где таких университетов нет. Далее, в России предлагается создать несколько университетов, а я говорю о создании только одного, и то виртуального, преподавание программ которого может происходить в любой географической точке мира, а преподавательские услуги – предлагаться не только учреждениями, но и частными лицами.

К тому же Правительство России пытается регламентировать всю отрасль, в то время как это необходимо только в тех сферах, где рыночный механизм не способен принести социально желаемый результат, предоставляя возможность рыночной конкуренции оптимизировать процесс преподавания, а в будущем – и администрирование. Еще одно упущение – экзамены предполагается проводить по-прежнему два раза в год, что предполагает неизбежное дублирование изучения предметов наиболее продвинутыми студентами.

Но самый главный, на мой взгляд, недостаток – в том, что российское Правительство опирается в проведении реформы на университеты. При наличии естественной монополии в развитии программ и создании экзаменационных работ, при несостоятельности рынка, связанной с этой экономической структурой, преподаватели, администраторы и студенты не заинтересованы в изменениях и не могут быть движущей силой реформы высшего образования в России. Именно поэтому она затянулась на долгие годы.

На сегодняшний день на Западе происходят два незначительных, на первый взгляд, события: переход к универсальному студенческому номеру и растущее понимание необходимости непрерывного тестирования для обучения в виртуальном пространстве. Это означает, что студенты открепляются от университета и скоро смогут учиться в любом из них и менять

их когда угодно, а в недалёком будущем – сдавать экзамены, формально не поступая в какой бы то ни было университет, если большая часть материала была пройдена в средней школе, или даже начинать учиться в университете, будучи учениками старших классов.

Проблемы качества в высшем образовании

Интересующиеся тематикой качества образования найдут множество публикаций о нечестности студентов, но разнообразие и распространенность нечестности преподавателей представляют собой табу в академической среде, поскольку отдельно взятый преподаватель не может не только прямо заявить о проблеме, но иногда сам должен участвовать в приписках под страхом увольнения. Немногочисленные работы на тему преподавательских махинаций могут служить лишь индикаторами распространенности проблемы. Например, в одной из работ [Mikhailitchenko, 2011] показано, что в результатах экзаменов одного университета на Западе, аккредитованного Американской ассоциацией школ бизнеса, полностью отсутствуют оценки между 45 и проходным баллом 50, а процент успешной сдачи экзаменов почему-то неизменно равен 85%, согласно распоряжению администрации этого университета. В другом высшем учебном заведении, находящемся в процессе аккредитации в той же ассоциации, дополнительное тестирование показало, что оценки по математике, поставленные на подготовительных курсах в этом заведении, не имеют ничего общего с действительностью и что студенты не знают даже основ того, что они должны были знать на продвинутом уровне [Mikhailitchenko, 2013].

В настоящее время в мировой практике допуск к преподаванию имеют только те, кто достиг определенного уровня образования, а оценка качества осуществляется по результатам экзаменов, которые принимают сами преподаватели. При общепринятой в мире практике невмешательства в дела преподавателей последние фактически являются последней инстанцией контроля за качеством собственной работы [Massaro, 2013]. В России, где наиболее распространен устный экзамен, действительное качество нельзя оценить даже в ретроспективе. Таким образом, можно сделать вывод, что во всем мире качество высшего образования

измеряется потенциальными способностями преподавателей, а не объемом и качеством знаний выпускников вузов.

Проблемы с качеством выпускников испытывают не только Россия, но и другие страны [Altbach et al, 2009]. Диплом о высшем образовании давно перестал быть индикатором способностей и навыков обладателя, в результате чего появилась такая странная формулировка, как некачественное образование, заменившая прежнюю «отсутствие образования как такового». Нестабильность качества является результатом естественных коммерческих интересов, присутствующих в любом капиталистическом обществе. Например, в Австралии университеты просто не могут не сохранять оптимальное с финансовой точки зрения количество студентов, так как неуспевающие тут же перейдут к конкурентам. Ситуация усугубляется еще и тем, что австралийские средние школы сами хронически не могут решить проблему с качеством преподавателей и поставляют университетам неподготовленных абитуриентов [Bagshaw and Smith, 2016]. Проблема приняла такие масштабы, что университеты Австралии в начале 1990-х решили отменить требования к уровню математики для поступающих, негласно снизили контроль за качеством и в результате стали поставлять школам учителей еще более низкого качества [DIPCCSRTE, 2013].

Россия уже примкнула к Болонскому процессу, подразумевающему стандартизацию программ и предметов и свободное движение студентов и преподавателей между вузами [Crosier and Parveva, 2013; Lorenz, 2010]. К сожалению, Болонский процесс не учитывает структуру самих университетов и предполагает значительную автономию учебных заведений во всех их функциях, с тем лишь ограничением, что они примут утвержденные болонские стандарты и обеспечат качество. Если первое условие университеты стран-участников могут выполнить без особых проблем, то обеспечить качество – лишь наиболее известные из них, способные набрать достаточное количество студентов с высокими показателями сдачи единого госэкзамена. У остальных остается финансовый стимул к манипулированию результатами с целью сохранения студентов и получения прибыли.

Для реального повышения качества образования необходимо полностью разделить преподавание и академическое администрирование, что уже и делает российское Правительство,

к сожалению, не учитывая при этом экономические аспекты. Правительство опирается на университеты при проведении реформы, создании экзаменационных работ, а также их проверке. Однако университеты совершенно не заинтересованы в том, чтобы значительная часть студентов заваливала экзамены, и всячески затягивают процесс. Организация проверки экзаменов и контроля за качеством на базе образовательных платформ Blackboard или Moodle позволила бы значительно сократить соответствующие затраты и повысить качество контроля. Министерство должно лишь проводить мониторинг процесса, осуществляемого частным сектором.

Стоит также отметить недостатки концентрации государственных ресурсов на «элитных» университетах [Oxford Analytica, 2004]. При таком подходе можно потерять большое количество действительно хороших преподавателей, работающих в «неэлитных» вузах. Россия уже сейчас страдает от оттока мозгов в среде выпускников лучших вузов и будет просто не в состоянии завершить реформу при отсутствии необходимых человеческих ресурсов. Нужно понимать, что в «элитных» и «неэлитных» университетах работают как хорошие, так и плохие преподаватели, и при разработке учебных порталов и тестовых банков опираться надо на отдельных преподавателей, а не на их институты.

Заключение

В статье рассмотрены экономическая структура образовательного процесса и ее значение для реформы высшего образования. Автор предлагает разделение четырех оперативных функций вузов для обеспечения качества и снижения себестоимости. Так, функции развития академических программ и тестовых банков – это естественные монополии, и они подлежат государственному регулированию, что является нормальной мировой практикой. Выделение этих двух функций позволит ликвидировать многократное дублирование усилий преподавателей, резко снизить расходы университетов и улучшить содержание программ и экзаменационных вопросов.

Академическое администрирование может иметь олигополистическую структуру, в регионах это могут быть сравнительно мелкие фирмы, но они, как и крупные, будут требовать постоянного мониторинга качества со стороны государства. Фирмы,

занимающиеся академическим администрированием, смогут проводить экзамены в любое время и как угодно часто, в зависимости от спроса. Этот подход устранил дублирование усилий преподавателей на обучение тех студентов, которые, хотя уже прошли большую часть материала, вынуждены провести целый семестр вместе с отстающими однокурсниками.

Непосредственно преподавание по своей экономической сути является монополистической конкуренцией и нуждается в регулировании только в той мере, которая позволила бы студентам получать надежную информацию об эффективности преподавателей или институтов, предоставляющих эти услуги. Студенты сами оценят «элитность» преподавателей по результатам экзаменов и смогут выбрать их в соответствии со своими потребностями и возможностями. Это значит, что рыночный механизм отрегулирует эту сферу так, что лучшие преподаватели будут занимать большую нишу на этом рынке и зарабатывать в соответствии со своими способностями без всякого вмешательства со стороны государства.

При несостоятельности рынка образования или же его части Правительство должно опираться не на экономических агентов, а создавать собственные подразделения, которые при содействии со стороны отдельных преподавателей и администраторов способны провести реформу. При планировании реформы необходимо учесть уже давно существующие, но до сих пор не реализованные технические возможности для экспорта образования и разрабатывать программы виртуального университета на всех языках мира. Эта реформа, на мой взгляд, будет полезной для общества в целом, технически возможной и самое главное – неизбежной. Вопрос только в том, когда и в какой стране она впервые произойдет.

Литература/References

Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Экспорт российских образовательных услуг: Стат. сб. 2016. Вып. 6 / Министерство образования и науки Российской Федерации. – Социоцентр. [Arefiev, A.L. and Sheregi, F.E. (2016). Export of Russian Educational Services: Collection of Statistics. Vol. 6/ Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Sociocentre. (In Russ.)].

Altbach P., Reisberg L., Rumbley L. (2009). Trends in global higher education: Tracking an academic revolution. Chestnut Hill, MA: Boston College Center for International Higher Education.

Bagshaw E., Smith A. (2016). Education policy not adding up: OECD asks what's wrong with Australia's schools? *Sydney Morning Herald*. March 25.

Banerjee A., Duflo E. (2008). What is middle class about the middle classes around the world? *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 22. No. 2. Pp. 3–28.

Bussolo M., De Hoyos R. E., Medvedev D., van der Mensbrugge D. (2007). Global growth and distribution: Are China and India reshaping the world? *World Bank Policy Research Working Papers*. No. 4392.

Carnoy M., Froumin I., Loyalka P., Tilak J. (2014). The concept of public goods, the state, and higher education finance. *Higher Education*. Vol. 68. Pp. 359–378.

Coffman J. (2003). Higher Education in the Gulf: Privatization and Americanization. *International Higher Education*. Vol. 33. Pp. 17–19.

Corrales J. (1999). The Politics of Education Reform: Bolstering the Supply and Demand; Overcoming Institutional Blocks. Washington DC: World Bank, Human Development Network.

Crosier D. and Parveva T. (2013) Bologna Process: Its Impact on Europe and Beyond. Paris: UNESCO.

Darden K. (2008). The integrity of corrupt states: graft as an informal state institution. *Politics & Society*. Vol. 36. Pp. 35–59.

DIICCSRTE (2013). Students: selected higher education statistics 2012, Canberra: Department of Industry, Innovation, Climate Change, Science, Research and Tertiary Education.

Guri-Rosenblit S. (2009). Digital Technologies in Higher Education: Sweeping Expectations and Actual Effects. New York, Nova Science.

How America Pays for the College. (2014). Sallie Mae's National Study of College Students and Parents. Washington DC: Sallie Mae.

Kharas H. (2010). The emerging middle class in developing countries. OECD Development Centre Working Papers. No. 285.

Knox C. (2008). Kazakhstan: modernizing government in the context of political inertia. *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 74. No. 3. Pp. 477–496.

Lorenz C. (2010). Higher education policies in the European Union, the 'knowledge economy' and neo-liberalism. Aug. 18. Available at: www.espacestemp.net/articles/higher-education-policies-in-the-european-union-the-ksquoand-neo-liberalism.

Massaro V. (2013). TEQSA and the holy grail of outcomes-based quality assessment. In: S. Marginson, (ed.). Tertiary Education Policy in Australia, Melbourne: Centre for the Study of Higher Education, The University of Melbourne.

Mikhailitchenko S. (2011). Teaching Quantitative Subjects to 'Non-Mathematical' Students: Progressive Assessment and Learning Outcomes', ERAS Conference 2011 Empowering Educators as Researchers: Exploring Ideas and Enhancing Practices, in conference proceedings, Singapore, 8–9. Available at: <http://www.eras.org.sg/proceedings.htm>

Mikhailitchenko S. (2013). Selecting the right assessment type for the freshmen students at a Middle Eastern University. The article presented at the 2nd QAAET Conference 18–20 February 2013, Bahrain.

Norton A., Cherastidtham I. (2016). HELP for the future: Fairer repayment of student debt. *Grattan Institute Report*. No. 4.

Oxford Analytica (2004). RUSSIA: Government starts reform of higher education. *Oxford Analytica Daily Brief Service*. Apr. 13.

Ravallion M. (2009). The developing world's bulging (but vulnerable) middle class. *World Development*. Vol. 38(4). Pp. 445–454.

Saunders D.B. (2010). Neoliberal ideology and public higher education in the United States. *Journal for Critical Education Policy Studies*. Vol. 8. No. 1. Pp. 41–77.

Shrivastava M., Shrivastava S. (2014). Political economy of higher education: comparing South Africa to trends in the world. *High Education*. Vol. 67. Pp. 809–822.

Sigalov A., Skuratov A. (2012). Educational Portals and Open Educational Resources in Russian Federation. Moscow: UNESCO Institute for Information Technologies in Education.

Thomsen S., von Haaren-Giebel F. (2016). Did tuition fees in Germany constrain students' budgets? New evidence from a natural experiment. *IZA Journal of European Labor Studies*. Vol. 5. No.1. Pp. 1–25.

Trow M. (2006). Reflections on the transition from elite to mass to universal access: Forms and phases of higher education in modern societies since WWII. In: J.J.F. Forest, P.G. Altbach (eds.), *International Handbook of Higher Education*, Dordrecht, The Netherlands, Springer. Pp. 243–280.

Статья поступила 30.11.2017.

Summary

Mikhailitchenko S. N., Holmes Institute, Brisbane, Australia

Peculiarities of Educational Process and their Meaning for the Higher Education Reform

The article looks at the economic structure of the operational functions of an educational institution with a purpose of selecting the optimal approach to regulation and reforms in the higher education industry. The author believes that the course and program content as well as test material are natural monopolies, which implies an active government regulation. Academic administration is an oligopoly and needs only minimal monitoring from the state. Teaching itself is a monopolistically competitive market and, therefore, can be left to the market forces to achieve the optimal social outcome without any interference from the government side. The suggested approach allows simultaneously solving the problems associated with the quality of higher education and problems associated with public funding of this sector.

Higher education reform; market structure; market failure